

КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

Мы – курсанты спецшколы – только что закончили работу по очистке границ Западной Украины и Западной Белоруссии. Измученные бессонницей и тревогами, столпились на перроне станции Чижово, ожидаем отправки в Москву. Чего бы, казалось, волноваться, почему на душе не спокойно, ведь едем домой, на отдых? Но нет, какая-то ноющая напряженность не покидает...

20 июня 1941 год. Подошел почти пустой поезд, следующий с нашей территории в направлении оккупированной Польши. Несколько минут он стоял на фоне кроваво-красного заката. В единственном раскрытом вагонном окне торчал рыжий человек с узким вытянутым лицом – не то улыбался, глядя на нас, не то зло скалился. А когда поезд тронулся, помахал рукой и послал воздушный поцелуй.

Медленно, будто крадучись, наступала ночь – глухо и немо, без звуков и шорохов. От усталости или от предчувствий мы как-то разрознились: ни смеха, ни шутки. Ходили-бродили, курили, думали всяк о своем. Наконец, погрузились в комфортабельные мягкие вагоны. Стаскиваю словно примерзшие сапоги, которые забыл уж когда снимал. Ноги гудят. Завертываю их в свитер. Завязываю узлом. Пистолет под подушку. Спать, спать, скорее спать...

На всю жизнь заполнился сон: с тогда еще маленьким сыном Игорем бежим на рыбалку по дощатому тротуару – скрипучему, шаткому. Сын сидит на шее, держится за мои волосы, смеется. Но доски вдруг начали трещать, ломаться, проваливаться...

Открываю глаза. Что такое? Наш поезд идет каким-то прыжками, дает тревожные гудки, затем резко останавливается. Рядом рвутся бомбы, дудудукает пулемет. Выбегаю на подножки, прыгаю наземь. Параллельно поезду на бреющем полете проходят самолеты с фашисткой свастикой. С них падают круглые черные шары. Бегу к лесозащитной железнодорожной полосе, падаю под корень сосенки. А в это время в нескольких метрах

впереди меня огненно разрывается черный шар, чем-то бьет меня по лбу. Странно бьет – как-то не больно, не чувствительно, но я теряю сознание и, как мне подумалось в тот миг, умираю – спокойно, без страха, погружаюсь в теплую мягкую тишину...

Искоркой вспыхнула короткая мысль: и до чего же легко умирать!..

Но как чуть вернулось сознание – другая мысль, радостная: черт подери, как хорошо жить, как хочется жить!..

Протираю затекшие кровью глаза, и открывается передо мной первозданный мир: макушки сосенок, глубокое, чистое небо и в нем одинокая птица.

Сажусь на ствол срезанного разрывом дерева и от радости, что остался живым, запеваю:

«Синенький скромный платочек

Падал с опущенных плеч.

Ты говорила, что не забудешь

Ласковых, радостных встреч...»

Пою. А окружившие меня товарищи удивленно озабочены:

- С ума сошел!..

Нет, ничего подобного со мной не случилось. Я не сошел с ума, я родился вновь! Не верю, как и многие другие, что началась Великая Отечественная война. Произошла ошибка...

Молодой организм быстро справился с легкой контузией головы. Работаю, хожу по унылой Москве, жадно слушаю невеселые сводки Информбюро: оставили, отступили...

Мучает совесть: товарищи разъехались, улетели кто куда – во вражеский тыл к партизанам, на подпольную работу в оккупированных районах, а я сижу в министерстве. Успехи фашистов временные, обусловленные внезапным нападением. Вот-вот они побегут, «не видать им красавицы Волги и не пить им из Волги воды». Кончится война, и я не смогу сказать: да, я воевал!..

Пишу заявление с просьбой отправить на фронт...

ВОЛЖСКАЯ ПЕРЕПРАВА

Сталинград в огне. Тучи дыма и пепла над руинами города. Под обстрелом ждем переправы. В балке, спускающейся к реке, скопилось множество солдат. И вдруг налет на балку: воют-пикируют вражеские самолеты, и от разрывов авиабомб шатается, трескается земля. Куда ни упадет бомба – везде солдаты... Куски человеческих трупов, лохмотья одежды свисают с обгорелых сучков тополей. Пахнет кровью и жареным мясом...

Уж не так далеко от берега до берега, но это смертный рубеж. И перейти его не всем суждено. В щепках разбитого транспорта плывут живые и мертвые, кричат и стонут раненые, и видеть все это выше человеческих сил!..

Потом, уже после окружения и уничтожения фашисткой группировки, я приезжал в Сталинград за чем-то в командировку. Пустынно тихо на улицах. Да и были ли улицы? Все смешано, перемешано. Встречались мальчишки и девчонки – изможденные, с морщинистыми лицами, словно старики.

- Как вы уцелели, как спаслись, ребята?

- А мы пещеры вырыли по берегам балок, в них жили.

- Голодно было?

- Да оно и сейчас не сладко.

- Страшно было?

- Сначала страшно, потом – ничего, привыкли.

- Родители-то остались у кого?

- Редко.

- А я воевала, - сказала девочка лет десяти-одиннадцати, если судить по росту, а не по внешности, глядя на меня суровыми не детскими глазами. – Я палкой била раненого фашиста. Он кричал, а я била его по башке за папку и за мамку...

- А я, - сказал мальчишка в лохмотьях, - на мороженом фрице с горки катался. Сяду верхом и вжжи с горки!..

Невыносимо горько было смотреть на них, опаленных войной и голодом, ожесточенных, окаменевших.

Под вечер на базаре на все деньги, сколько их было у меня, я купил вареных яиц и с ребятишками вместе ел, сидя на бетонном кольце фонтана у железнодорожного вокзала. Фонтан когда-то украшали детские скульптурные фигурки, сейчас они стояли и лежали – безрукие, безголовые, исковерканные, прошитые пулями. Но они бесчувственны, из цемента. А как же вынесли такую тяжесть детские живые сердца?!

- Ребята, много погибло из ваших товарищей? – спросил я.

- Еще сколько! Вот Васек пополз к убитой лошади, чтобы отрезать кусок мяса, а фашистский снайпер тюк его в голову – и не пикнул Васек. Гришка с Манькой из балки вылезли еду промышлять, так обоих зараз накрыло... Много сгнуло: от пуль, от осколков и с голодухи, много...

- И Борька тоже, - сказала девочка.

Мальчик безразлично махнул рукой:

- Борька по дурости... Нашел ручную гранату и стал разряжать... Тольку жалко. Раненую мать на плащ-палатке волок в укрытие, в живот ему угодило, волком выл от боли... Осколок-то – во! С ладонь, ажно кишки вывалились.

Они рассказывали о страшных вещах без содрогания, бесстрашно, холодно. Лица их ничего не выражали. В потухших глазах – ни боли, ни сожаления. Война сковала, притупила их. И как я ни старался развеселить – ни улыбки, ни намека на неё.

Мы сходили в подвал бывшего универмага. Где был пленен фельдмаршал Паулюс. Спустились к Волге, к месту переправы: окопы, траншеи, изрытые снарядами берега, обломки машин, обломки переправочных средств... И гробовая, оглушительная тишина. Только полчища ленивых трупных зеленых мух...

Чтобы избавиться от тяжести воспоминаний, о пережитом на этой переправе, я предложил:

- Ребята, давайте споем что-нибудь, песню веселую!

Они посмотрели на меня с недоумением, и вроде бы с укором: дескать, глупее-то ничего не мог придумать!

- Без песен рот тесен, - сказал старший из них.

- Нет, правда, давайте, ребята!

- А я не умею, - пожала плечами девочка. – Все позабыла...

Да, они все позабыли. В них прочно вселился вой самолетов, разрыв бомб, горькое горе.

Они провожали меня лунной ночью. В сказочном белом свете, в глубоком молчании лежали развалины города, и казалось, он уже никогда не поднимется, не оживет. Не помолодеют эти мальчишки и девчонки, не зашумят листвою скрюченные обожженные тополя...

Но ровно через десять лет я вновь побывал в городе-герое. И он действительно, геройский, молодой. Улицы его заполняли жизнерадостные, веселые люди...

КОМАРИК

Сейчас я уже и не помню её настоящего имени. Мы называли её ласково «Комарик» за малый рост, за тихий жужжащий голосок, за вездесущий бесстрашный характер. С медицинской сумкой и автоматом она ходила в бой в передовых частях, как рядовой солдат, и принималась за санитарное дело лишь тогда, когда появлялись раненые.

Находясь в пекле взрывов, свисте пуль, она прошла до Миус-реки без единой царапины и шутила по этому поводу:

- Я, мальчишки, за пятнадцать шагов вижу летящую пулю или осколок, увертываюсь. В меня и снайперу не попасть, я маленькая, комарик...

Её любили и пожилые солдаты, и уж особенно молодые. Конечно, и я в том числе...

Но она никого из нас не выделяла. Все у неё были Колечки, Васечки, миленькие, родненькие. А у меня на шее постоянно висел сильный бинокль, и это давало мне преимущество перед остальными – нравилось Комарику в свободное время рассматривать передовую линию вражеской обороны.

Помню летний погожий предзакатный вечер. Я возвращаюсь с передовой, куда ходил по заданию особого отдела 221-й стрелковой дивизии.

На возвышенности, над Дедовой балкой, в одиночестве сидела она, Комарик.

- Эй, старшой, поднимайся ко мне!

Я охотно поднялся.

- Ты знаешь, надеюсь, что завтра идем в наступление?

- Знаю.

- Давай бинокль.

Она с минуту глядела в него, затем передала мне.

- Взгляни. Видишь, в конце балки что-то краснеет, видишь?

- Вижу.

- Это, должно быть, цветы марьяны-коренья...

- Похоже...

- Ты завтра, как пойдем в атаку, сорви их мне... Я тебя поцелую за это...

Она заметно смутилась, потупилась. А я воссиял от радости и выпалил вгорячах:

- Зачем откладывать на завтра? Целуй сейчас.

И она сдвинула брови:

- Ну, ты уж!..

Мы молчали. Низкое золотистое солнце освещало холмы и её – маленькую, притихшую, ушедшую в себя.

- Ты о чем?

- О завтрашнем дне... Кто-то получит награду, ... кто-то умрет. Жалко ребят.

- А сама не боишься?

- Никогда...

С полуночи началась артподготовка. Через наши головы часто, как снег в пургу, летели снаряды и мины, огненно фыркали гвардейские минометы – знаменитые «катюши». Вокруг гудело, грохотало, содрогалась земля. Комарик радовалась:

- Отличная работа!..

Утром она сказала:

- Прощай пока. Не забудь про цветы!..

И я не забыл. Я сорвал цветы и бегал с ними по траншеям, разыскивая Комарика, пока не наткнулся на солдат, несущих что-то завернутое в плащ-палатку.

- Кто?.. Кого несете?..

- Комарика...

- Ранена?

- Нет, убита...

Я откинул конец палатки и увидел восковое лицо, потухшие синие глаза, сложенные на груди тонкие девичьи руки.

Я положил красные цветы поближе к её остановившемуся сердцу и поцеловал холодную руку.

- Прощай, Комарик...

Кто знает, может быть, те цветы проросли, не увяли, и теперь ни одно поколение их поднимается над одинокой могилой чистой девушки, не успевшей кого-нибудь полюбить в свои восемнадцать лет...